

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ АСФАЛЬТ

Даша Князева

Где кончается асфальт

<https://litres.ru/74089726>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лето после первого курса университета должно было состоять из домашней еды, долгожданного отдыха и прогулок со старыми друзьями среди знакомых дворов и полос гаражей. Но у этого места есть четкая граница — пустырь на самой окраине, где разбитый асфальт окончательно исчезает, растворяясь в грунтовке, ведущей к глухом лесу.

На этом распутье стоит разбитая и проржавевшая будка телефона-автомата. Он давно отключен от линии, но в сумерках мертвый аппарат внезапно взрывается ржавой трелью. В телефонной трубке — сбивчивое дыхание и плач ребенка, бесследно пропавшего семь лет назад.

Даша Князева

Где кончается асфальт

Глава 1

Глава 1

Покосившаяся форточка намертво застряла в металлической раме. Данил дернул еще раз, до боли в пальцах пытаюсь зажать застрявший механизм, но старое, изъеденное царапинами окно даже не шелохнулось. Пришлось сдаться и откинуться на сидение, рядом с рваной дырой в обивке, из которой ключьями торчал грязно-желтый поролон. С другого конца вагона тянуло перегаром, а старые наушники шипели, безуспешно пытаясь заглушить ритмичный стук колес и разговоры дачников о зное и рассаде.

Дэн закрыл глаза и уткнулся лбом в немытое окно. Первый курс остался позади, сессия успешно сдана, но внутри не было никакого облегчения и гордости — только липкая духота и дурацкое ощущение, что он свернул не туда. Конечно, ему нравилась физика, но интересоваться чем-то и выбрать это в качестве основного занятия по жизни — совершенно разные вещи. Когда пришло время выбирать дорогу, он был потерян и просто пошел по пути наименьшего сопротивления, надеясь разобраться в себе, и, возможно, даже переве-

стись на другое направление, когда он поймет, чего хочет. Так и не понял. Бесконечная рутина учебы затянула его так, что время вообще перестало ощущаться: оно просто стояло на месте, а потом вдруг совершало резкий скачок, перемахивая уже через второй семестр.

Женский голос в хриплом динамике вагона, превращающем любые слова в кашу из неразборчивых звуков, вырвал Данила из ступора. Он открыл глаза и уставился на пейзаж за окном, мелькание которого постепенно замедлялось, перетекая в перрон, покрытый асфальтными трещинами. Его взгляд выхватил знакомые силуэты: крепкого коренастого парня, хмуро всматривающегося в тормозящий состав, высокую девушку с мягкими формами и рюкзаком за плечами, из бокового кармана которого выглядывала бутылка воды, и сидящую на перилах угловатую фигуру в джинсовом комбинезоне и совиных очках. Даня вытащил из-под сидения тяжелую спортивную сумку и направился в тамбур, произвольно улыбаясь — конечно, они уже выяснили, на какой электричке он приедет, и притащились его встречать. Он не приезжал всего пару месяцев — у него не было времени из-за сессии и активной подготовки к ней — но он соскучился по ним так, будто они не виделись с прошлого лета, когда он поступил и уехал в Москву.

Данил осторожно вышел на свежий летний воздух, глядя под ноги из страха провалиться в щель между перроном и электричкой, как вдруг врезался в чью-то широкую грудь, и

сумку из его пальцев бесцеремонно выхватил Толя. Вырванный из мыслей студент вздрогнул и только открыл рот, чтобы поприветствовать друга, как его сжали в объятиях мягкие руки Ксюши, пахнувшей фруктовым гелем для душа.

— Доехал! — девушка разорвала объятия так же внезапно, как и начала, и отстранилась, поправляя лямку рюкзака. — А мы уже думали—

Саня ехидно ухмыльнулась и спрыгнула с перил, прерывая подругу.

— Мы уж боялись, что ты уснул, и нам придется выносить тебя из вагона, чтоб ты не проспал и не уехал до конечной. Как в прошлый раз.

Данил смущенно улыбнулся и почесал затылок. Его приезд на зимние праздники действительно начался тем, что он проспал свою станцию — как и все последующие — и вышел в областном центре, в сотне километров от своего города, в новогоднюю ночь и с севшим мобильником. А потом еще полтора часа сидел в холодном здании вокзала в окружении бездомных и сомнительных ржущих компаний, пока ждал отца Сани, едущего его забирать на старой «Оке». Ему тогда повезло, что он успел перехватить уходящую работницу, которая согласилась дать ему позвонить со своего телефона, иначе неизвестно, на какое время он бы там застрял.

— Ладно тебе, Шур, не кошмарь человека с дороги, — Ксюша слегка толкнула Саню плечом и заглянула Данилу в лицо. — А похудел как, одни глаза остались! У меня есть

печенье и мятные леденцы, хочешь?

— Дома поест, Ксюх, — Саша фыркнула и поправила съехавшие на кончик носа очки. — Давай, Дэн, шевели поршнями. Баба Тома обещала Толяну свежих пирожков с яйцом и луком, если приведем тебя до обеда. Если мы опоздаем, он съест меня.

Толя только глухо хмыкнул и поудобнее перехватил забитую вещами сумку Данила, словно та ничего не весила, и коротко кивнул в сторону от путей.

— Пошли. Срежем через пустырь.

Они двинулись от станции, проходя мимо старых, деревянных домов привокзальной части города. Большинство из них выглядели запущенно, у некоторых провалилась крыша и участок порос борщевиком, тянущимся вверх к самим чердачным окнам. Лишь в малой части района еще жили люди, преимущественно старики, реже — и дальше от железнодорожных путей — встречались участки, где старые домики снесли, а на их месте построили современные коттеджи для дачного сезона. Чтобы немного срезать путь, четверка свернула сквозь ряд самых старых участков, и вышла к большому полю, которое власти все хотят застроить, но никак не могут определить, является ли эта земля частью города или находится уже за его пределами. На дальнем его конце, отделенном гротескным, покосившимся от времени забором из разошедшегося дерева, возвышалось пепелище, от одного вида которого холодок пробегал по спине.

— Обещали же снести весной, разве нет? — Дэн поежился, косясь на единственный уцелевший оконный проем сгоревшего дома, слепо смотрящий в сторону города.

Ксюша кинула взгляд на то, что осталось от «Ведьминого дома» и взяла под локоть Толю, чьи пальцы непроизвольно сжались на ручке спортивной сумки — кисть парня заняла в память о старом переломе.

— Думаю, снесут не раньше, чем наконец-то решат что-то здесь построить, — голос Сани прозвучал тихо и задумчиво, а ее взгляд устремился вверх, в одну точку. — Папа говорит, там какие-то проблемы с определением, где пролегает граница города. Да и какая разница? Ничего там больше нет, кроме золы и развалин. Пейзаж не украшают, но ходить тут больше не стремно.

Даня кивнул, соглашаясь с подругой, но выдохнул лишь когда пожарище скрылось из виду, а поле уперлось в бетонные стены хрущевки. Компания минула несколько дворов с детскими площадками, не видевшими ремонт и обновлений еще со времен юности их родителей, и вышла к главной улице. Еще пара кварталов — и показался родной двор-колодец, окруженный стенами панелек. Первым взгляд Данила упал на деревянную песочницу, в которой он копался в глубоком детстве (и которую начал игнорировать, напроочь отказываясь там играть, когда какой-то мальчишка отобрал его лопатку). За ней небольшое футбольное поле, выделяющееся голым пятном на фоне травы, и большие качели, напоминаю-

щие скамейку, подвешенную на цепях, где они вчетвером часто сидели и общались, пока не выросли достаточно, чтобы помещаться стало труднее, и взрослые не начали их стгонять под предлогом того, что «четыре лося качели сломают». Последней приметной деталью оказалось подвальное окно углового дома, где вместо стекла был натянут кусок полиэтилена, а рама забита досками — Саня разбила его мячом еще лет пять назад, и все четверо тогда несколько часов прятались от местной бабки, грозившейся оборвать им уши.

— Ключ с собой? — Ксюша легко коснулась плеча Дани, возвращая его в реальность. Недавно во всем дворе массово заменили кодовые замки на домофоны, и Данил еще привыкал к тому, что помимо квартиры, ключа теперь требовал и подъезд.

— Да, сейчас, — виновато улыбнувшись, парень покопался в звякающих карманах ветровки и выудил связку ключей, отпирая тяжелую подъездную дверь.

Внутри панельки была прохлада, приятно контрастирующая с летним двором, разогревшимся к полудню. Еще несколько пролетов по бетонной лестнице — и они предстали перед обитой дверью в квартиру Дани, которая была не заперта.

— Баб Том, ну сколько раз говорил запирать дверь. Мало что ли всяких упырей ходит? — Толик поставил сумку на пол небольшой, чистой прихожей, нахмурился, и, забрав из рук Дани ключи, запер дверь сам.

Данил скользнул взглядом по тумбочке — маминой сумки нет, снова пропадает на работе — но из глубины квартиры показалась женщина в очках с роговой оправой, с коротко подстриженными и выкрашенными поверх седины в сливовый цвет волосами. Бабушка, Тамара Игоревна, казалась строгой, порой откровенно суровой, но за этим образом скрывалась теплая женщина, от которой невозможно уйти голодным, даже если ты просто звонишь в дверь, чтобы узнать, выйдет ли Даня погулять.

— Знаю я, Анатолий, знаю. Специально не запирала, вас ждала, — ответила женщина грудным, ворчливым голосом. Ее резкий взгляд остановился на Дане и тут же смягчился в улыбку. — Данечка! Приехал-таки, студент!

Тамара Игоревна шагнула вперед и крепко, по-матерински прижала внука к себе, целуя его в обросшую макушку. Даня наклонился и уткнулся носом в ее плечо, впитывая запах, не меняющийся с самого его детства — смесь лекарственных трав, домашней выпечки и насыщенного аромата «Красной Москвы».

— Исхудал-то как! — женщина отстранилась, критически оглядывая внука с головы до пят и приглаживая его растрепанные волосы, которые давно пора бы подстричь, но лень. — Жилы одни. Совсем вас в этой вашей Москве не кормят?

— Да нормально все, бабуль, — с улыбкой покачал головой Даня. — Кормят там. Просто сессия тяжелая была.

— Знаю я ваше «нормально». Не дети, а партизаны — ни

слова с них не вытянешь, все «нормально» да «нормально», — баба Тома выразительно глянула на столпившуюся в тесной прихожей компанию. — А вы чего застыли, как не родные? Разувайтесь и марш мыть руки. Все четверо! Я только противень вытащила, пирожки еще дышат, пока жидкого поедите — у меня суп.

Дважды повторять не пришлось. Голодный с дороги Толя первым протиснулся в небольшую ванную к раковине, а уже через пару минут вся компания пыталась упаковаться в шестиметровую кухню: Толика, как самого габаритного, задвинули в угол к окну, Данил сел напротив него, Саня устроилась на облупленной табуретке, то и дело цепляя коленом ножку стола, а Ксюша принялась нарезать батон, помогая Тамаре Игоревне, расставлявшей глубокие тарелки горячего рассольника.

Когда Ксюша разместила в центре стола тарелку отварной говядины и хлеб, все, кроме Толика, уже расправившегося с доброй половиной тарелки, начали есть.

Данил больше ковырял ложкой в супе, поглядывая на друзей. На Саню, которая мучила кусок хлеба — сначала старательно выела из центра весь мякиш, а потом мелкими кусочками грызла корочки. На Толика, с аппетитом уминающего, кажется, вторую порцию, склонившись над столом и не участвуя ни в каких разговорах. На Ксюшу, которая неспешно ела суп, при этом успевая то подкладывать Толе в тарелку кусочки вареной говядины, то мягко толкать застывшего

Даню в плечо, после чего он ненадолго встряхивался и продолжал обедать.

Под звон ложек о посуду рассольник постепенно убывал из тарелок, и вскоре Тамара Игоревна разлила в разномастные чашки ароматный чай и водрузила на центр стола квадратный противень, накрытый кухонным полотенцем, откуда, расплзаясь по маленькой кухне, поднимался запах свежей выпечки.

— Вот эти с яйцом и луком, для Анатолия, — женщина указала на несколько пирожков у левого края, что были шире и более плоскими, чем остальные. — Покруглее с творогом, а остальные с тертым яблоком. Ну давайте, налетайте! — она опустилась на свободный стул, подперев голову ладонью и с нежностью глядя на вчерашних подростков, сгрудившихся за столом и уминающих выпечку. Ее взгляд остановился на внуке, заметно оживившемся при виде пирожков с творогом — его любимых. — Ну что, рассказывай, физик наш. Как там профессора, не строгие? Не обижают?

Даня поперхнулся — только проглоченный щедрый кусок пирожка встал ему поперек горла плотным комком — липким «физик наш» резануло по ушам сильнее вокзального динамика. Парень кашлянул через нос и торопливо запил выпечку горячим чаем.

— Да нормально все, ба, — угрюмо буркнул он, водя пальцем по краю чашки. — Преподы как преподы, ничего особенного, если лабораторные не прогуливать. Сессию закрыл без

долгов.

— Опять у него все «нормально», — проворчала Тамара Игоревна, поправляя очки. - Зимой приезжал — не замолкал о квантах своих и интегралах, а теперь клещами ничего из него не вытянешь!

Ксюша мгновенно уловила, как Данил начал замыкаться, ссутуливаясь, и только набрала в грудь воздух, чтобы вмешаться, как женщина отвлеклась сама.

— Кстати, Анатолий, — она положила свою сухую ладонь Синицыну на плечо. — Ты ж у нас мастер. У Данечки в комнате дверную ручку опять клинит, недавно застирала постель, так чуть там и не застряла, еле открыла. Посмотри, а?

Толя, только укусивший очередной пирожок, замер. В его глазах не отразилось ни тени досады от прерванного чаепития, только мыслительный процесс, перебирающий, как лучше подойти к возникшей проблеме. Он аккуратно положил пирожок на край противня, вытер руки о спортивные штаны, поднялся, едва не сбив плечом горшок с геранью на подоконнике, и вышел из кухни.

Через полминуты донесся хлопок двери кладовки и звяканье инструментов. Толя был в своей стихии.

— Не переживайте, Тамара Игоревна. Это же летняя сессия, конец первого курса. По сравнению с зимней просто ад. То, что Данин словарный запас сократился до «нормально», еще неплохо — я вот несколько дней назад свою закрыла, так мне казалось, что я уже никаких слов не помню. Только

звуки, — Ксюша засмеялась, виртуозно уводя тему с опасной, ощутимо некомфортной для друга территории. — Мы на истории чуть все не поседели! Препода — ну просто старая гримза. Так драла нас по политике Ивана Грозного, будто она сама его современница. У меня от слова «опричнина» уже глаз дергается и вот-вот волосы сесть начнут.

— Ну, у вас там хоть весело, — ухмыльнулась Саня, отхлебывая чай. — У нас в технаре половина преподав забывает, что мы уже совершеннолетние, и возится, как со школьниками. А вторая половина на первом курсе уже спрашивала с нас так, будто мы не вчерашние девятиклассники, а взрослые рабочие люди. В итоге ни свободы нормальной, ни снисхождения.

— Ну, ты же сама туда хотела, — улыбнулась Ксюша.

— И не жалею! Торчать еще два года в школе? Ну уж нет. В гробу я видала эти школьные линейки. Вот получу диплом — можно будет тоже в вышку пойти, сразу по направлению. Зато база уже будет. Да и Толян вон, на своем автомеханическом, сколько бы ни матерился на карбюраторы и то, как препода к чертежам придираются — а глаза горят.

Пальцы Дэна расслабились на кружке, а сам он расправил плечи и улыбнулся, чувствуя, как атмосфера разговора стала более легкой и располагающей.

— Знаете, а у нас в этом семестре один препод долбанутый был, — начал парень, окидывая взглядом подруг и бабушку, повернувшихся к нему. — Он рефераты всегда тре-

бовал от руки, в школьной тетради на двенадцать листов, строго по ГОСТу, с полями и без рисунков на обложке.

— Типа ретроград? Да подумаешь, — пожалала плечами Саша. — У нас тоже есть те, кто до сих пор считает, что если ты текст напечатал, то ничего не запомнил, и вообще это все за тебя компьютер делает.

— Да не, не в этом дело, — Данил с усмешкой откинулся на спинку стула. — Суть в требовании: реферат должен занимать всю тетрадь. Прямо полностью: если больше четырех строк на последнем листе осталось — плохо поработал с информацией. Не сдал, переписывай. Если переборщил и хоть раз на поля или форзац вылез — тоже незачет.

— Чего? Он что, совсем? А если у тебя мыслей меньше? Или больше? И вообще, у всех плотность почерка разная!

— Вот именно, Сань. У меня же как раз почерк очень сжатый, я при желании пару страниц учебника на одной тетрадной умещаю.

— И как тогда? Это тебе раза в три больше писать приходилось, чтобы реферат хотя бы по нормам приняли? — Ксюша округлила глаза, так и не поднеся пирожок ко рту.

— Еще чего! Это ж несправедливо. Я рефераты в библиотеке на компьютере набирал, смотрел количество символов, а потом на калькуляторе плотность букв прикидывал, чтобы максимально совпадало с количеством листов и строк в тетради. Потом сидел, переписывал, по линейке отмеряя, как буквы растягивать.

Маленькая кухня наполнилась звонким женским смехом.

После обеда время потекло привычно и лениво: Толя еще долго гремел инструментами в комнате Дани, Ксюша сидела с ним, то и дело подавая воду и чистую тряпку, Саня обносила запас конфет, а сам Даня под добродушное ворчание бабушки раскладывал вещи по полкам. Из дома их выставили уже ближе к вечеру, чтобы не мешали Тамаре Игоревне смотреть любимый сериал. К моменту, когда они вышли из покрытого маркерными надписями подъезда, уличный воздух уже начинал остывать, солнце перестало палить, а легкий летний ветерок разгонял духоту.

— Ну че, в гаражи? — Толик провел рукой по ежику своих волос, вопросительно глядя на друзей.

— Толь, ты прикалываешься? Мы и так там почти живем. В жару еще насидимся над твоими железками, давайте лучше пройдемся, пока на улице дышать можно, — Саня поддела носком кеда камешек, точным щелчком отправив его в кусты.

Даня и Ксюша тихо переглянулись, безмолвно соглашаясь со словами Саши. Оставшийся в меньшинстве, Толя только с тяжелым вздохом опустил плечи и закрыл подъездную дверь за спинами друзей.

Тяжелая металлическая дверь с грохотом захлопнулась, отсекая прохладу подъезда. Компания неторопливо двинулась в обход двора, выбирая тенистую сторону улицы. Шаг за шагом ноги несли их по старому, знакомому маршруту

детских вылазок. Они шли, перебивая друг друга, вспоминая глупые детские прозвища, шутя и толкаясь плечами, и эта привычная, многолетняя легкость постепенно смывала с Дани остатки вокзальной духоты и тревоги.

Каждый поворот открывал кусочки детства. Ксюша указала на раскидистую узловатую липу, на которую они когда-то умудрились залезть вчетвером, пока Саня не сорвалась и не порвала новые школьные брюки, после чего ее мама стала их оттуда сгонять, хотя, справедливости ради, взрослым взглядом они уже замечали то, что в детстве не казалось им опасным: и ненадежные ветви, и проходящий у самого дерева металлический заборчик, на который можно было упасть и запросто свернуть шею или сломать себе что-нибудь. Чуть дальше, за исписанной именами и обзывательствами кирпичной трансформаторной будкой, по-прежнему торчали вросшие в землю бетонные плиты — их секретный «штаб», рядом с которым в двенадцать лет они хоронили в обувной коробке волнистого попугайчика Ксюши — как следует, обклеив коробку изнутри бархатной бумагой и по очереди произнося трогательные прощальные речи, хоть попугай и славился откровенно мерзким характером и постоянно кусался. Оставив трансформаторную будку позади, они вышли на центральную площадь, минули отключенный для ремонтных работ городской фонтан четкой геометрической формы, с бортиками выложенными гранитными плитами — их главное спасение в аномальную июльскую жару пару лет

назад — затем свернули к илистому пустырю, поросшему полосами рогоза и испещренному мелкими ручейками: жалкими истончившимися остатками тех, в которых они когда-то ловили головастиков в пластиковые стаканчики. Здесь, среди островков разросшихся лопухов, они часами устраивали засады и шпионили за прохожими, всерьез воображая себя детективами на пороге открытия великих тайн города.

Чуть дальше тянулся массив глухих, окрашенных закатным небом кирпичных будок гаражного кооператива «Звезда», откуда пахло бензином, старым железом и нагретым за день гудроном. Толя бросил долгий, тоскливый взгляд на один из проездов, но Саня вовремя ухватила его за локоть, увлекая за собой:

— Даже смотреть туда не смей! Я те клянусь, однажды стащу у отца сварочный аппарат — и ты двери туда больше никогда не откроешь, — девушка тряхнула его за локоть, будто подтверждая серьезность своих намерений, но Толик только усмехнулся и похлопал ее по макушке. Хотя в сторону гаражей смотреть действительно перестал.

Постепенно день начал угасать. Небо над серыми крышами панелек окрасилось в густой и холодный серо-лиловый цвет, и на город медленно опустились прохладные летние сумерки. Вместе со светом уходила и дневная беззаботность — разговор сам собой становился тише, а паузы между репликами удлинялись.

— Знаете, мне кажется, я свернул не туда. Или просто за-

путался, — подал голос Дэн, хмуро глядя под ноги, на пучки травы, то и дело пробивающиеся через трещины истончающегося асфальта. Спустя паузу, нутром ощущая ожидающие взгляды друзей, он вздохнул и продолжил. — В Москве это не так ощущается. Там нет времени выдохнуть и подумать, все бегут куда-то, не оглядываясь ни на других, ни на самих себя, но зачем? Какой в этом всем смысл? Ну получу я этот диплом, возможно даже красный — красивее будет ножку стола подпирать. А дальше что? Вернусь сюда? Или останусь там, чтобы до конца жизни работать в каком-то НИИ за копейки? Все ради этого?

Толик, шедший чуть впереди, и настороженно прислушивающийся к тишине за темными, опустевшими цехами старого, разорившегося и стоящего без дела с девяностых завода, вдруг глухо хмыкнул, не оборачиваясь.

— Дэн, у тебя мозги слишком большие, они тебе на череп давят, — беззлобно усмехнулся он. — Ты пытаешься увернуться от кирпича, который еще падать не начал. Нормально все будет. Планировать — это круто, конечно, но сейчас ты просто закапываешься в вариантах будущего и не смотришь на дорогу, которая прямо сейчас перед тобой.

Саня по-братски закинула руку на плечо Дани, задумчиво глядя куда-то вверх пустующих корпусов и крон деревьев сквозь стекла своих совиных очков. Глаза девушки отражали ту же мрачную пустоту, видящую одновременно тысячи путей и развилочек, но ведущих к одним и тем же серым фи-

налам, без хорошего конца.

— А по-моему, Дэн прав, Толян, — негромко произнесла она, скользнув взглядом по проступающим на чернильном небе звездам. — Смысла действительно нет. И контроль — это просто сказка, чтоб кукухой не поехать. Плынешь себе по этой жиже, пытаешься планы строить, что-то предугадать, а жизнь тебя — раз! — и за борт. И смысл в этом всем, если по факту придется выгребать на месте? А если повезет и удержишься, то будешь просто на месте гнить, боясь сойти с рельс.

— Так, стоп, — мягко, но со сталью в голосе вмешалась Ксюша, отстраняясь от теплого бока Толи и оборачиваясь. — Прекратите сейчас же. Вы прекрасно умеете сесть в одну-единственную лужу посреди сухой дороги и тонуть в ней вместе, ей-богу. Не бессмысленно все. Или хотите еще раз послушать байку дяди Валеры о рюкзачке?

Унылая атмосфера резко треснула, разбитая громким смешком Сани — ее отец постоянно гоняет по кругу одни и те же истории, щедро снабжая моралью, и любой из четверки уже давно способен пересказать их по памяти, в алфавитном порядке, даже если его поднять посреди ночи. Даня непроизвольно расплылся в улыбке. Рюкзачок. Самая частая, уже набившая оскомину байка сейчас приносила странное успокоение.

Вокруг уже совсем стемнело. Позади возвышались над деревьями, словно злодейский замок, монументальные стены

завода — последний рубеж города. Асфальт совсем раскрошился и плавно перешел в грунтовую дорогу, сужающуюся в две тонкие автомобильные колеи, уходящие в подернутый мраком лес.

Саня вклинилась между Ксюшей и Толей, шутливо пихнув последнего локтем, и с преувеличенно серьезным видом начала изображать своего отца. Когда она, назидательно вздернув палец, начала вещать о «рюкзачке, который ты несешь с собой по жизни, складывая в него все, чему научился», на смех прорвало всех.

И тут гомон их голосов разрежала резкая металлическая трель.

Все замерли и медленно повернулись на звук. Чуть в стороне от колеи, полускрытая разросшимися кустами боярышника, стояла покосившаяся металлическая будка. Краска на ней давно облупилась, обнажив ржавчину, а верхние стекла были выбиты. Таксофоны в городе отключили и признали нерабочими еще в их глубоком детстве. Но этот звонил. Настойчиво, бешено, заставляя вибрировать ржавый корпус будки.

— Это еще что за херня?.. — тихо, одними губами произнесла Саня, инстинктивно делая шаг назад и поправляя съехавшие очки.

Они переглянулись, не издавая ни звука. В глазах каждого читалось тяжелое, душное оцепенение, за которым словно горел вопрос: «Опять?»

Толя нахмурился, его широкие плечи напряглись. Взглянув на будку, он уверенно двинулся вперед. Но внутри Дани в этот момент что-то оглушительно щелкнуло. Белый шум, который преследовал его с душного вагона электрички, вдруг исчез из его головы, заглушенный металлическим дребезжанием таксофона. Впервые за день — а, может, и за весь последний год — он даже не попытался просчитать последствия. Он просто сделал резкий рывок вперед, наперерез Толику.

— Дэн, тормози, ты куда?! — Толя попытался оттащить его за свою спину, но лишь мазнул пальцами по воздуху — длинноногий Данил в пару шагов разорвал расстояние между ними.

Даня ворвался в будку по скрипящей под подошвой изношенных кед стеклянной крошке и схватил трубку. В ухо тут же ударило шипение, сквозь которое пробивался странный, ритмичный треск. Из хриплого, как в старой электричке, динамика, раздался тонкий, плаксивый детский голос, от которого у Дани внутри все покрылось инеем.

— Я... Я заблудился, — всхлипнул ребенок. — Я выронил машинку. Красную такую, с оторванной дверцей... Я пошел за ней, но потерял тропинку. Вы ее не видели? Пожалуйста...

Линия резко, с глухим металлическим щелчком оборвалась, а Дэн остался стоять, так и прижимая к уху трубку мертвого аппарата.